

Турция, во главе которой стоит достаточно сильный и уверенный лидер, в последнее время придерживается самостоятельной позиции по многим вопросам как во внутренней, так и во внешней политике, что иногда может идти вразрез с планами других участников международных отношений.

Но с другой стороны, все перечисленные проблемы, которые освещались с таким энтузиазмом в иностранной прессе, действительно стоят на повестке дня в Турции и давно требуют решения. С данной точки зрения, международные СМИ только лишь привлекли внимание турецкого руководства к необходимости устранения раскола в обществе и внесения корректировок во внутренний курс с целью стабилизации положения в обществе.

Е. О. Кисеева

Уральский федеральный университет

Образ Японии в российском общественном сознании (1875–1917)

Представления о Японии в российском сознании формировались не одновременно и нередко менялись в зависимости от степени ее изученности, от увеличения непосредственных контактов, различались в зависимости от фактора личности человека, в чьем сознании формировался тот или иной образ.

Можно предположить, что в российском сознании был представлен двоякий образ Японии: так называемая «живописная Япония» и Япония в качестве «желтой опасности». Следует понимать, что данные мнения не сменяли друг друга, они существовали в российском общественном сознании одновременно, но в зависимости от объективных внешних факторов, таких, как, например, Русско-японская война 1904–1905 гг., один из них доминировал, в то время как второй уходил на задний план. В русской культуре Серебряного века в отношении Японии одновременно присутствовали как «страна вееров»,

так и «желтая опасность». Одни видели только первое, другие — только второе. Третьи же чувствовали неразрывную связь между двумя этими образами.

В становлении отношений Японии и России самым традиционным и на то время самым популярным путем формирования взаимного имиджа этих двух стран является формирование образа друг друга через третьи страны. Еще в 1870 г. в Петербурге вышел перевод книги французского путешественника Эме Гюмбера «Живописная Япония», и русскому читателю открылась неизвестная до тех пор экзотически-изящная и утонченная Япония, получившая свое отражение в стихотворениях известных поэтов. Главной особенностью «японизма» в России рубежа XIX–XX вв. является то, что это был не результат непосредственных контактов со Страной Восходящего Солнца, а проявление европейского влияния.

Что же касается непосредственных контактов России с дальневосточной страной, в конце XIX в. их количество было очень невелико. Япония была открыта для России 7 февраля 1855 г., в день подписания Е. В. Путятиным Симодского договора. В 1859 г. И. А. Гошкевич, первый русский консул в Японии, послал запрос в Святейший Синод о назначении в церковь в Хокадате (остров Хоккайдо) вместо убоившего по болезни протоиерея В. Е. Махова священника, «который мог бы быть полезным не только своею духовною деятельностью, но и учеными трудами»¹. И вот тут начинается одна из самых интересных глав в истории российско-японских отношений — история Православной русской духовной миссии в Японии. Ехать в далекую страну вызвался недавно окончивший духовную академию Иван Дмитриевич Касаткин. Помимо ведения дел духовной миссии, Касаткин был педагогом, переводчиком и наконец создателем национальной японской православной церкви.

Ценность писем и дневников Николая Касаткина заключается в том, что в них представлены заметки и наблюдения не стороннего наблюдателя, не просто путешественника, случайно забредшего в Страну Восходящего Солнца, а человека, жившего по всем местным порядкам и ежедневно испытывавшего на себе различные

---

¹ Яковлев Н. А. Русская духовная миссия в Японии и ее кафедральный собор в Токио // Христианство на Дальнем Востоке : сб. науч. тр. Уссурийск, 2001. С. 32.

положительные или отрицательные, но неизвестные до сих пор стороны жизни японцев. Образ японцев на страницах дневников Касаткина не подчинен какой-либо точной концепции, автор рассматривает их в первую очередь как потенциальных носителей православной религии, и в этом плане он определяет их как язычников с чистой душой. Но также следует понимать, что именно образы, описанные Николаем Касаткиным, являются «чистыми», неиспорченными и не запачканными ни политическими веяниями, ни публицистическими лозунгами. Отец Николай пишет о том, что японцы готовы, открыты для новой религии, соответственно, можно сделать вывод, что открыты они не только для новой религии, но и для новых философских и психологических установок, т. е. то мироощущение, которое доминировало в японском сознании раньше, уже изжило себя и готово к трансформации или замене. Именно это является нишей для установления и развития отношений с тем или иным иностранным государством.

Но в это же время на Западе активно шло развитие концепции «желтой опасности». Предполагалось, что Азия более не является пассивной, ее видели активно воюющей и потому конкурирующей с Европой, активно входящей на сцену истории благодаря своему военному могуществу и способности к подражанию. Позиция Запада в оценке России были двойственна: она представляла ее или элементом «желтой опасности», или же плацдармом на ее пути к Европе. Удивительно, но Россия не избежала этого страха: он возник задолго до поражения 1905 г., но усилился со взятием Порт-Артура, которое пугало как начало отступления Запада.

Одним из тех, кто официально поддерживал «желтый» миф в Европе, был не кто иной, как кайзер Германии Вильгельм II (1888–1918). Он оказывал большое влияние на своего двоюродного брата Николая II, не колеблясь разыграл тему «желтой опасности», чтобы побудить Россию уйти с европейской сцены и обратиться в сторону Азии, чтобы в борьбе с Японией овладеть Кореей, и Персией — в борьбе с Великобританией. В их переписке можно заметить, каким образом Вильгельм подстрекал русского царя: «Великая задача, которая встанет в будущем перед Россией, — поддержать процесс цивилизации на Азиатском континенте и защитить Европу от наступления

желтой расы»². Таким образом, он настаивал на «великой роли России... в защите Креста... от нашествия монголов и буддизма».

Тема «желтой опасности» всплывает в размышлениях многих представителей интеллигенции. Философ В. Соловьёв вполне явно обращается к идее азиатского нашествия на Россию и Европу. Но следует отметить, что если в 1890 г. в статье «Китай и Европа» роль «бича Божьего» он отводил только Китаю, соглашаясь с преобладавшим тогда мнением, что Япония решительно перешла на сторону Европы, то уже в 1900 г. в «Трех разговорах», напротив, именно японцы изображаются им творцами идеи панмонголизма, покорившими и Китай, и Европу. Кардинальным событием разделяющего две работы десятилетия была как раз японо-китайская война. По мнению В. Соловьёва, грядущим завоевателем мира является японский богдыхан — «по матери китаец, соединявший в себе китайскую хитрость и упругость с японскою энергией, подвижностью и предприимчивостью»³.

Таким образом, проследив за историей и динамикой формирования представлений о Японии в России, можно сделать вывод о том, что немаловажную роль во взаимном восприятии этих двух государств, как, впрочем, и любых других государств, расположенных в непосредственной близости друг от друга, играет политический фактор, т. е. взаимодействие государств в контексте исторических событий локального и мирового масштаба, официальная пропаганда руководства страны в связи с этими историческими событиями, а также существующие мнения относительно данного государства в других странах мира. Кроме того, важно отметить, что образ Японии в России во второй половине XIX в. складывался в основном под влиянием европейских источников, и образ «живописной Японии» с ее цветущей сакурой, бумажными веерами и самурайскими традициями русские скорее переняли у европейцев, нежели сформировали в своем сознании на основе собственных наблюдений. Однако другая сторона образа Японии, которой в дальнейшем будет уделено наибольшее

---

² Ларюэль М. Желтая опасность в работах русских националистов начала века. URL: http://polit.ru/article/2004/10/11/laruelle/#_ftn11 (дата обращения: 20.04.2013).

³ Соловьёв В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. URL: <http://lib.rus.ec/b/169645> (дата обращения: 10.02.2013).

внимание, сформировалась в российском общественном сознании также не без помощи Европы. Речь идет о «желтой опасности», об образе Японии-врага и идеях панмонголизма, впервые высказанных Владимиром Соловьевым в конце XIX в.

Незадолго до начала русско-японской войны средства массовой информации заметно усилили свою работу. Они представляли Японию в качестве агрессивного государства, которое хочет установить господство не только над восточными странами, но и над дальневосточной территорией России, а также над Сибирью. Из-за недружественной политики Японии по отношению к европейцам вообще и к России в частности и из-за экономической конкуренции со стороны Японии в России сложилось мнение об опасности этой страны.

Представления о японцах, по мнению Л. В. Жуковой, оставались максимально обобщенными, но имели несколько вариаций:

- японцы — народ отсталый, дикий, азиатски-варварский;
- японцы — народ азиатский, но гораздо более развитый, чем остальные народы Дальнего Востока;
- японцы — очень подвижная нация, легко усваивающая достижения европейской культуры⁴.

Представления же о японцах у Николая Касаткина не изменилось. Несмотря на все тяготы, несмотря на то, что его самого обвиняли в шпионаже, что власти были вынуждены выставить охрану вокруг храма, чтобы избежать возможной агрессии со стороны коренного населения, отец Николай продолжает писать в своих дневниках о «неиспорченности» и чистоте японской нации. Война не изменила его принципов и позиций, и он по-прежнему относится к японцам как к «заигравшимся детям», которые нуждаются в том, чтобы их не оставляли без присмотра. Он указывает на их по-детски наивное поведение, на их кротость и молчание в присутствии отца Николая, несмотря на военные победы своего государства. На страницах дневника отца Николая японцы предстают не слишком умными, но и не глупыми, по-своему сообразительными — как дети, которые только начинают изучать мир.

---

⁴ Жукова Л. В. Формирование «образа врага» в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Военно-историческая антропология : ежегодник. 2003/2004. С. 259–275.

Что же касается непосредственно образа Японии в российском сознании, то по сравнению с образом, преобладавшим в сознании российского общества в довоенный период, он заметно трансформировался. Преобладание представления «желтой угрозы» над представлением о «живописной стране» вполне объяснимо, но теперь понимание этой угрозы стало более осознанным. Если раньше японцев воспринимали как «глупых, расшалившихся детей», а саму Японию как «наивную маленькую страну, посягнувшую на такую большую и великую Россию», то во время войны это мнение изменилось, российское общество осознало, что Япония является серьезной, прогрессирующей страной, хорошо оснащенной в техническом плане, и предстает серьезным противником. Данная трансформация образа связана прежде всего с тем, что если раньше представления россиян о далекой Стране Восходящего Солнца основывались в основном на иностранных исследованиях, то теперь появились непосредственные контакты с японцами, российское правительство осознало необходимость изучения данного региона, появились заметки, исследования, работы русских авторов.

Следует также отметить, что русско-японская война, несмотря на множественные потери с обеих сторон, создала предпосылки для трансформации образа Японии в будущем и даже для налаживания дружественных отношений. Это происходило за счет большого количества непосредственных контактов между русскими и японцами на войне и в плену. По причине того, что изначально эта война была нужна правительствам, а никак не народу, общество не проявляло к ней должного интереса. Но стратегия «быстрой войны» не удалась, война затянулась, и люди стали интересоваться, почему такая большая Россия не может победить такую маленькую Японию. И солдаты, идущие на войну, видели главную проблему проигрыша России уже не в агрессивных и глупых японцах, а в тактике ведения внешней политики собственной страны. По сведениям многих источников, отношение к русским пленным в японском плену было дружеское, а совсем не враждебное, отмечались даже случаи дружбы японца и русского в плену. Соответственно, образ Японии и японца меняется, он перестает быть поверхностным и обобщенным, японец больше не некий далекий человек, а человек, сидящий по ту сторону линии огня, но который так же, как и русский солдат, попал на войну

не по собственному желанию, а в угоду своему правительству, которому присущи те же человеческие черты, что и русскому человеку. Осознание схожести и общих интересов, таких как скорейшее окончание войны, привели к трансформации представлений о Японии от «глупой, далекой и агрессивной страны», к «стране-соседу». Пришло понимание того, что с соседями гораздо выгоднее дружить, чем воевать.

После подписания 5 сентября 1905 г. Портсмутского мирного договора, который положил конец войне между Россией и Японией, как ни странно, начал развиваться взаимный интерес к истории и культуре друг друга, стремление понять соседа и попытаться говорить с ним на его языке. Революция в России 1917 г. приостановила или окончила вовсе многие процессы, в том числе и процесс сближения России с Японией, но период с 1905 по 1917 г. называют «золотым веком» дружбы и сотрудничества, уровня которого эти два государства не достигали ни до, ни после.

На рубеже XIX–XX вв. во Владивостоке был открыт Восточный институт. Владивосток того времени был новым городом без каких-либо культурных традиций, с пестрым национальным и социальным составом, а Восточный институт оставался в нем единственным высшим учебным заведением. И уже через 11 лет работы института его руководство с законной гордостью отмечало, что он, служа делу изучения дальневосточных стран, является в то же время проводником знакомства с ними в русском обществе и тем самым способствует сближению между двумя противоположными мирами к лучшему их взаимному пониманию.

Стали учащаться контакты между представителями народа двух стран, и, что важно, не только среди политиков и военных, но и среди литераторов того времени. Так, например, Лев Николаевич Толстой имел большую популярность и оказывал большое влияние на умы японцев. Некоторые японские литераторы желали познакомиться и лично пообщаться с русским «мудрым старцем», одним из таких литераторов был Токутоми Рока — японский писатель, получивший разностороннее образование: под влиянием отца он научился читать старинные китайские книги конфуцианской и буддийской направленности, а обучаясь в европейской школе, попал под влияние христианских идей.

Что же изменилось в художественном восприятии русскими Страны Восходящего Солнца? Под влиянием послевоенной нормализации отношений образ «страны самураев» быстро ушел в прошлое. На первый план вновь вышла «живописная Япония», прочно обосновавшаяся в стихотворениях известных русских поэтов.

Вскоре русские японески приняли интересный вид — стилизации классической японской поэзии танка и хайку и подражание ей. Попытки В. Брюсова были первой и довольно успешной попыткой применить к русскому стихотворению формы японского стиха. Классики русской поэзии, такие как Константин Бальмонт, Вячеслав Иванов, Андрей Белый, с разными целями и с разной степенью успеха пробовали свои силы в искусстве хайку и танка.

Стоит отметить, что никто из названных поэтов в Японии не был. Путешествие из России в Японию было очень затратным как в денежном плане, так и в психологическом. И, разумеется, требовало много времени. На подобные путешествия по тем или иным причинам, несмотря на большой интерес к Стране Восходящего Солнца, русские поэты были пока не готовы. И только весной 1916 г. до Японии добрался Константин Бальмонт, который остался безгранично очарован этой волшебной страной.

После революции приток визитеров из России увеличился, в Японию стали приезжать даже русские эмигранты. Но тем, кому не удалось побывать в Стране Восходящего Солнца, пришлось придумывать себе свою собственную «страну вееров». Чьи-то представления остались на уровне репродукций гравюр укиё-э, у кого-то сложился образ из различных стихотворений хайку и танка японских и российских авторов. Но так или иначе, данный период оказал огромное влияние на восприятие и изучение Японии в России, стал временем литературного сближения двух стран, а также временем рождения российской японистики как науки.

Касательно непосредственно образа Японии в российском общественном сознании, следует отметить, что динамика его трансформации начиная с 1875 г. и заканчивая 1917 г. очевидна. Разные типы источников указывают разные доминирующие представления и мнения, так же как и представления правящих кругов отличаются от представлений поэтов и писателей, в источниках личного характера также видны разные образы — от «варварских японцев» и «дружественных

соседей» в письмах солдат до «наивных детей» в дневниках русского миссионера Касаткина. Следует понимать тот факт, что для создания полноценного образа чужой страны необходимо не отбрасывать фактор личности автора того или иного источника.

Д. Н. Маршук

Уральский федеральный университет

Африка как альтернативный источник сырья и рынок сбыта для КНР

Руководство Китайской Народной Республики начало вмешиваться в африканские дела еще с конца 50-х гг. XX в., поддерживая африканские страны в их стремлении к достижению независимости и освобождению от западной экспансии. Однако пика своего экономического проникновения в страны Африки Китай достиг именно к началу XXI в. Африканский континент приобрел статус приоритетного направления китайской внешней политики по нескольким причинам. Во-первых, по оценкам исследователей, на территории Африки находятся 30–40 % разведанных мировых запасов нефти и газа¹. В свою очередь, Китай на данный момент получает из Африки 28 % своего нефтяного импорта и стремится иметь стратегически важного экономического партнера в лице африканских нефтедобывающих государств². Во-вторых, страны Африки являются перспективным рынком для инвестиционных капиталовложений. В-третьих, данный регион представляет собой крупный рынок для сбыта многочисленных товаров китайского производства. В-четвертых, в развитии взаимоотношений Китая со странами Африки имеются и политические

¹ Дейч Т. Китай «завоевывает» Африку. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=547 (дата обращения: 28.01.2013).

² Битва Китая и Запада за природные ресурсы Африки. URL: <http://topwar.ru/7309-bitva-kitaya-i-zapada-za-prirodnyc-resursy-afriki.html> (дата обращения: 29.01.2013).